

Как гласит поговорка, у Великой Янь есть три сокровища:

Первое — нефритовый камень из Мобэй.

Второе — снадобье небожителей с горы Дунли.

Третье — пьяная яшма и рушащаяся гора, красота, губящая царства.

Народные сплетни уже докатились до императорского дворца. Маленький евнух, подражая рассказчикам из чайных, мастерски передавал эти слухи. Маленькая служанка, прислонившись к колонне, смеялась, покачиваясь, но при этом не забывала оглядываться, призывая его говорить тише.

Оказывается, происхождение этой поговорки имеет глубокий смысл. Первые два сокровища не вызывали особого удивления — это всего лишь прекрасный нефрит, добываемый в Мобэй, и пилюли, которые готовит даос Цангъян на горе Дунли. Но третье сокровище, на которое намекает поговорка, ни в коем случае нельзя называть прямо.

Как часто бывает, литераторы, склонные к сарказму, не упускают возможности покритиковать власть. В мирные времена они всегда найдут, к чему придраться. Один из них, напившись на пиру, написал несколько строк шуточных стихов, весьма довольный собой.

Но как говорится, ничто не остаётся тайной. Эти стихи быстро разошлись, и после нескольких пересказов и переработок рассказчиками и певцами превратились в популярную поговорку.

Если бы кто-то, не знающий подоплёки, услышал это, он бы обязательно спросил, кто же этот третий сокровище, достойный звания «красота, губящая царства»? Но те, кто знал, лишь улыбались и молчали, оставляя неосведомлённых в полном недоумении.

Третье сокровище — это не кто иной, как новый император Великой Янь, Сяо Юйшань.

Имя императора — «Юйшань» — идеально соответствует словам «пьяная яшма и рушащаяся гора» из поговорки.

Если бы он был просто знатным юношей, его красота не вызвала бы вопросов. Если бы он был фаворитом или любовником, его очарование было бы необходимым. Но как император, он должен был бы иметь царственный вид, словно рождённый для того, чтобы внушать уважение одним своим взглядом.

Но нынешний император оказался необычайно красивым. С детства он выделялся своей внешностью среди других принцев, а теперь, в свои двадцать лет, он был настоящим воплощением изящества, словно вырезанным из драгоценного камня.

Не так давно князь вассального княжества Мобэй Хэлянь Гуйянь прибыл в столицу, чтобы приветствовать нового императора. На государственном банкете, выпив лишнего, он, не задумываясь, сказал своим спутникам:

— Я слышал, что нынешний император обладает красотой, способной погубить царство. Теперь, увидев его, я понимаю, что это правда.

Он говорил не слишком громко, но достаточно, чтобы все вокруг услышали.

Княжество Мобэй десятилетиями защищало Великую Янь от внешних врагов и торговало

нефритом с другими странами, за что пользовалось особым доверием покойного императора. Теперь, когда новый император только вступил на престол, Хэлянь Гуйянь хотел проверить его характер. На мгновение все замолчали, и каждый из присутствующих, имея свои планы, с любопытством наблюдал, как император отреагирует.

— Подайте князю Хэляню вина.

Сяо Юйшань не изменился в лице, но когда слуга взял кувшин со стола, он добавил:

— Не то. Принесите вино «Цюймичунь».

Вино «Цюймичунь» славилось тем, что «одна чашка способна опьянить». Это было прекрасное, но крепкое вино, которое никогда не подавали на государственных банкетах, чтобы избежать неприятностей. Но раз император приказал, слуга не смел ослушаться и сразу же принёс вино.

Глядя на полную чашу, Сяо Юйшань улыбнулся, словно весенний ветер, его глаза, прекрасные, как цветы персика, излучали лёгкий холодный блеск:

— В Мобэй говорят, что настоящий мужчина пьёт только крепкое вино. Я выпью с князем эту чашу.

Позже этот изящный ход распространился, но смысл его был искажён. Почему-то слухи превратили это в историю о том, что слабый император, будучи осмеянным князем, всё же пил с ним вино. Таким образом, к поговорке о красоте императора добавилась доля насмешки.

Пока народ радовался своим сплетням, они не подозревали, что эти слухи уже долетели до ушей императора. Как говорится, ничто не остаётся тайной.

— Эти невежды должны быть строго наказаны!

Слушая шёпот евнухов и служанок, евнух Ван нервничал, пытаясь угадать настроение императора.

На правой щеке Сяо Юйшаня была едва заметная шрам, похожий на улыбку, из-за чего он всегда казался слегка улыбающимся, даже когда не улыбался. Евнух Ван не мог понять, что думает император, но не заметил гнева, что немного успокоило его.

Сяо Юйшань не в первый раз слышал подобные слухи, но на этот раз он с интересом подслушал разговор и нарочно спросил у окружающих:

— Что значит «пьяная яшма и рушащаяся гора, красота, губящая царства»?

— Это...

Евнух Ван замаялся, бросив взгляд на холодного телохранителя позади императора, и тут же нашёл выход.

— Я не силён в литературе, возможно, телохранитель Ань знает?

Ань Фэн посмотрел на него, и хотя его взгляд был спокоен, евнух Ван почувствовал, как по его щеке пробежал холодок. Он поспешно отвёл глаза. Ответить на этот вопрос было непросто, и если уж выбирать, то лучше всего это сделать телохранителю, который знал императора с детства.

Ань Фэн, всегда прямолинейный, сказал:

— Это означает, что Ваше Величество обладает красотой, способной погубить царство, подобно зловещей красавице.

Евнух Ван чуть не лишился чувств, опасаясь гнева императора, и поспешил исправить ситуацию:

— Это комплимент Вашему изяществу.

Ань Фэн, как всегда прямолинейный, продолжал:

— Это намёк на то, что Ваше Величество управляет страной с помощью красоты.

Евнух Ван сжал опухавшие губы, пытаясь успокоить ситуацию:

— Это восхищение Вашим божественным обликом.

На этот раз Сяо Юйшань действительно засмеялся, его смех был искренним, словно весенний ветер, ласкающий лицо:

— Разве управление страной с помощью красоты — не достижение?

Управлять страной с умом — разве это позор?

Сяо Юйшань всегда был таким: погружённый в слухи, но не боявшийся их. Он знал, что в мире слишком много болтливых людей, и даже император не сможет заткнуть все рты. Раз уж этого не сделать, лучше относиться к этому как к шутке, просто смеяться и забывать.

Ань Фэн оставался невозмутимым, давно поняв характер Сяо Юйшаня, поэтому не удивился. Евнух Ван с облегчением вздохнул, взмахнул опухавшими губами и, посмотрев на время, поспешил напомнить:

— Ваше Величество, время аудиенции с князем Цзиньань наступило.

Услышав имя князя Цзиньань, Сяо Юйшань не мог не вздохнуть. Эти старые сановники были самыми трудными — их нельзя было ни ударить, ни наказать, ни даже поругать. Новому императору приходилось каждый день терпеть их придирки и при этом ещё и успокаивать их.

Среди них князь Цзиньань был самым сложным. Будучи старшим братом покойного императора, в молодости он спас его, выпив отравленное вино, и заслужил репутацию верного и справедливого человека.

Сяо Юйшань предложил князю Цзиньань сесть, и тот, откашлявшись, начал:

— Ваше Величество, страна не может оставаться без императрицы.

Сейчас, когда новый император взошёл на престол, вопрос о выборе императрицы оставался открытым, и различные кланы и аристократические семьи активно боролись за это место, проявляя больше рвения, чем сам император. Уже на утреннем приёме министры вели жаркие споры на эту тему.

— Дядя совершенно прав.

Сяо Юйшань махнул рукой, и евнух Ван поспешил подать чай.

— Только вот, кого вы имеете в виду?

Князь Цзиньань, заговорив о выборе императрицы, явно уже имел кого-то на примете. Сяо Юйшань позволил ему продолжить, с улыбкой в глазах, но с непроницаемым выражением лица.

Князь Цзиньань прямо сказал:

— Ваше Величество, я считаю, что супруга Хуэй, происходящая из знатного рода, благородна и добродетельна, что делает её идеальной кандидаткой.

Супруга Хуэй была старшей дочерью верховного воеводы Чжана, действительно знатной и добродетельной женщины, но...

Сяо Юйшань поставил чашку, сделав вид, что задумался, а затем сказал:

— Дядя прав, но выбор императрицы — дело государственной важности, связанное с судьбой страны, и его нельзя решать так поспешно.

— Ваше Величество имеете в виду...

— Завтра даос Цаньян с горы Дунли по моему приказу прибывает во дворец. Пусть он определит судьбу супруги Хуэй.

С такими старыми сановниками Сяо Юйшань мог только уговаривать, а иногда и обманывать.

— Если она предназначена судьбой, то станет нашей императрицей.

Среди министров, особенно среди доверенных лиц покойного императора, многие считали себя вправе поучать. Если сразу отвергнуть их «добрые намерения», это могло вызвать новые волнения, поэтому Сяо Юйшань был вынужден искать отговорки.

Князь Цзиньань считал, что «предназначение судьбы» — это ерунда, но трон нового императора был получен благодаря вере покойного императора в судьбу. Новый император, получивший трон благодаря судьбе, естественно, верил в это.

— Хорошо.

Князь Цзиньань не был бестактным и не стал возражать, даже если догадывался, что это лишь отговорка.

Когда князь Цзиньань ушёл, Сяо Юйшань резко закрыл чашку, и ободки чашек столкнулись, разбрызгав остывший чай.

Евнух Ван поспешно поклонился, ожидая, что император что-то скажет, но так и не дождался ни слова. Осторожно подняв глаза, он увидел, как император окунул палец в чай и стал рисовать что-то на столе.